

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 2010-2019
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.2010

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Interaction between the Turkic Peoples of European Russia in the Coverage of Foreign Historiography

Tatyana N. Ivanova ^a, Elena K. Mineeva ^{a, *}, Alexey I. Mineev ^a

^aChuvash State University named after I.N. Ulyanova, Russian Federation

Abstract

The article discusses the views of foreign researchers on the problems of the historical development of the socio-political and socio-cultural interaction of kindred Turkic peoples (Tatars, Bashkirs and Chuvashes), including in the process of acculturation of their enclave and transboundary groups. The Volga-Priural region is considered by foreign scientists as a “frontier”, “window to the East”, “focus” of Russia’s colonization development of the eastern regions. At the same time, foreign historiography emphasizes the special role of the Tatar ethnic group as the most numerous, whose hegemony is based on the rich historical heritage of the Volga Bulgaria and the Golden Horde. The results of our work in 2022 Sociological surveys in Bashkortostan, Tatarstan, Chuvashia and the Sverdlovsk region indicate a calm interethnic climate in the Volga-Priural region, but the respondents also state certain problems. These interethnic problems can also be identified by analyzing the basic concepts of foreign historiography on this topic. The works of A. Kappeler, P. Werth, R. Gerasi, Ch. Hostler, L. Hyde, N. Devlet, D. Arik, H. Karadag and others deal with such problems as assimilation (Tatarization, Bashkirization, Russification), the impact of Islam and Orthodoxy on these processes, the role of national education in them. The complex, cross-border and enclave settlement of three kindred ethnic groups contributed to the acculturation of Tatars, Bashkirs and Chuvashes over the past two centuries. New problems arose in the first years of Soviet power, when large areas populated not only by the titular ethnic group, but also by representatives of other kindred Turkic peoples appeared on the territories of national autonomies.

Keywords: foreign historiography, Turkic peoples, Tatars, Bashkirs, Chuvashes, assimilation, acculturation, enclaves, cross-border territories.

1. Введение

Исторические судьбы тюркских народов европейской России предопределили теснейшую взаимосвязь их развития. Сегодня на территории европейской России проживают представители десятков тюркских народов, но три из них – татары, башкиры и чувашаи – не только имеют здесь свою национальную автономию, но и являются одними из самых многочисленных народов в РФ. Взаимовлияние татарского, башкирского и чувашского этносов определяется несколькими факторами: историческими судьбами их этногенеза, близостью языковой, культурной и ментальной составляющей, а также сложным переплетением национальных территорий расселения этих народов.

Наиболее дисперсное расселение в европейской России характерно для татар, которые проживают во всех субъектах Федерации. По данным переписи 2010 г., лишь около трети всех татар России проживала на территории Республики Татарстан, где составляла 48,48 % населения. Вторым субъектом РФ, где компактно проживают татары, является Республика Башкортостан (28,42 % населения). При этом в данной республике есть районы, где татары составляют абсолютное

* Corresponding author

E-mail addresses: mineevaek21@mail.ru (E.K. Mineeva), tivanovan@mail.ru (T.N. Ivanova), minalig@inbox.ru (A.I. Mineev)

большинство населения. Значительно меньшее количество татар проживает в Чувашской Республике (по данным переписи 2010 г. – 3,87 %) (ВПН, 2010). Однако следует отметить, что и в данном регионе имеются районы компактного проживания татар.

Иная картина территориального размещения характерна для башкир. Абсолютное большинство представителей башкирского этноса проживают в границах Республики Башкортостан. За пределами республики башкиры обитают в виде небольших компактных анклавов в Челябинской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской областях, в Татарстане и др. (ВПН, 2010).

Чуваши, по данным переписи 2010 г., составляют большинство населения Чувашской Республики (67,7 %), однако в соседних регионах имеются анклавные и трансграничные территории компактного расселения чувашей. В Татарстане проживает 116,2 тыс. чувашей в Аксубаевском, Буинском, Нурлатском, Тетюшском, Черемшанском районах. В Башкирии проживает 117 тыс. чувашей в виде компактных групп в Аургазинском, Бижбулякском, Стерлитамакском, Белебеевском и других районах (ВПН, 2010).

Таким образом, можно констатировать, что три родственных тюркских этноса достаточно тесно переплетены территориально. Это можно объяснить усиливающимися миграционными процессами, ростом количества межнациональных браков, увеличением числа людей со сложной этнической и языковой самоидентификацией. С другой стороны, важной причиной этой тесной территориальной взаимосвязи являются исторические судьбы трех тюркских этносов, которые в течение длительного времени проживали рядом.

После Октябрьской революции 1917 г. большевики взяли курс на установление национально-территориальных автономий, ломавших установившееся в Российской империи этнически нейтральное деление на губернии. При определении границ национальных автономий, по словам заместителя Наркомнаца РСФСР С.М. Диманштейна, «приходилось в пылу битв учитывать разные смежные обстоятельства, в том числе и стратегические соображения, и почти что случайно придавать то или название или форму любой территории» (Диманштейн, 1924: 33-34). Границы между автономиями устанавливались таким образом, что образовывались большие трансграничные территории, чересполосно населенные разными этносами, а также появлялись анклавные, как внутренние районы проживания одного этноса в окружении населенных пунктов титульного народа автономии. Этот, по словам Диманштейна, «сложный национальный узел» и сейчас создает трудноразрешимые проблемы социокультурного взаимодействия анклавных и трансграничных групп соседних тюркских народов (Иванова и др., 2022: 80).

2. Материалы и методы

Для изучения современных процессов, происходящих на данных территориях в 2022 г., было проведено социологическое исследование в Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Свердловской области (Минеева и др., 2022). Отношение большей части респондентов к характеру этноконфессиональных взаимосвязей, сложившихся в их регионах, положительное. Авторы констатируют: «Подавляющее большинство не видят оснований для межэтнических и межрелигиозных конфликтов и не помнят таковых, что является результатом взвешенной политики региональных и федеральных властей в этой сфере, а также следствием традиционного совместного бесконфликтного проживания разных этнических групп. В то же время во всех регионах имеется меньшинство в пределах 10-15 %, которое указывает на определенные проблемы в этноконфессиональной сфере, в том числе на факты этнической дискриминации» (Минеева и др., 2022: 31). Эти проблемы необходимо изучать с помощью различных методов исторического познания. Поэтому важно исследовать межэтническую ситуацию в исторической ретроспективе и перспективе, анализируя, в том числе, зарубежную и отечественную историографию по данной проблеме. В результате основным методом исследовательской работы является метод компаративистического историографического анализа, включающего проблемно-хронологический, историко-генетический методы, а также методы ретроспективного и перспективного анализа. Целью данной статьи является изучение взглядов зарубежных исследователей на проблемы взаимодействия тюркских народов (татар, башкир и чувашей) в европейской России.

3. Обсуждение

К крупнейшим зарубежным научным центрам, изучающим проблемы национализма и религий, можно отнести Центрально-Европейский университет в Будапеште, Международный институт социологии во Франции, Центр евразийских, российских и восточно-европейских Джорджтаунского университета, Центр изучения России, Восточной Европы и Евразии в Стэнфордском университете и др.

Среди зарубежных ученых, работающих над выявлением проблем российской полиэтнической государственности и развитием тюркских народов РФ, можно отметить таких авторов, как А. Кашпелер, П. Верт, Р. Джераси, Ч. Хостлер, Л. Хайда, Н. Девлет, Д. Арик, Х. Карадаг. Наряду с ними следует назвать и других представителей зарубежной историографии. Например, Р. Пайпс рассматривает становление башкирской национальной автономии в контексте противоборства

башкирской элиты с объединенным русско-татарским партийным блоком. В. Дувлер выясняет позицию сторонников и противников метода Н.И. Ильминского на Особом совещании 1905 г. по начальному образованию нерусских на востоке, а также языковую политику на Востоке империи. М. Деррик анализирует попытки постсоветского Татарстана прийти к «суверенности» внутри РФ. В поле зрения А. Джерсильда – специфика «культурного диалога» между народностями Среднего Поволжья. Н. Наганова поднимает вопрос о значении и роли тюркского мусульманского контингента в военных кампаниях позднеимперской и Советской России. Аллен Дж. Франк акцентирует внимание на «булгарской» идентичности татар и башкир. Интерес к средневожским национальным республикам и истории многогранных взаимоотношений их коренных этносов можно встретить в трудах крупного тюрколога К. Мацузато. Таким образом, зарубежная историография представлена целой серией разнообразных исследований исторического, религиоведческого и политологического плана. В рамках одной статьи сложно дать характеристику всем концепциям зарубежной исторической мысли по обозначенной тематике.

4. Результаты

Выделим несколько проблем, которые имеют особое значение при изучении вопроса взаимодействия тюркских народов Поволжско-Приуральского региона. Важнейшей из них является изучение ассимиляционных процессов: это и русификация тюрков, и татаризация чувашей, и ассимиляция татар башкирами на территории Республики Башкортостан и т.д. Говоря о русификации и татаризации как особых социокультурных феноменах в жизни тюркских народов европейской России, зарубежные авторы связывают данные понятия прежде всего с усвоением чувашами, башкирами и другими этническими группами внешних атрибутивных качеств русских и татар – этносов, играющих в данном регионе центральную историко-культурную роль. Исследователи говорят об усвоении модели поведения обозначенных выше доминантных этносов, их пищевых предпочтений, элементов одежды, сельской и городской культуры, бытовых привычек, лексики. С этой проблемой тесно связано межконфессиональное взаимодействие тюрков-христиан и тюрков-мусульман, которое особого пика достигало в период так называемых «волн отступничества», когда массы крещеных инородцев, потерявшие доверие к русской православной церкви, начали, как отмечает Д. Арик, «искать истину в учениях татарских имамов» (Arik, 2007: 47). В зарубежной историографии рассматривается и вопрос о выстраивании некой иерархии во взаимодействии трех этносов, связанной с особой ролью татар в регионе. В свою очередь, изучение этой проблемы ставит вопрос о роли булгарского и суварского наследия, являющегося предметом давних острых внутрирегиональных прений. Еще одной проблемой стал процесс просвещения нерусских народов в Российской империи.

Один из родоначальников «имперской парадигмы» в современной историографии Андреас Каппелер считает важнейшим фронтиром российской истории зону ее многовекового взаимодействия с тюркскими народами Поволжья. Он отмечает эволюцию этого взаимодействия и различие с имперской политикой Европы: «Российский фронтальный опыт обнаруживает запаздывание России по сравнению с остальной Европой, запаздывание, причиной которого была долгая открытость культурной и религиозной границы между русскими и кочевниками или нехристианскими этносами. Хотя Россия, начиная с XVIII столетия, сознательно перенимала европейские ценности и критерии сегрегации, мусульмане, буддисты и часть анимистов смогли избежать христианизации, равно как и многочисленные крещеные нерусские народы сумели сохранить свои формы повседневной культуры и этническую идентичность вплоть до середины XX в., были чужды миссионерской политике, и теперь мусульмане стали уже сознавать пользу для себя Ваших идей» (Каппелер, 2003: 62). Американский историк Роберт Джераси считал, что «Казань и тяготевший к ней обширный Поволжско-Уральский край предстают окном Российской империи на Восток, фокусом одновременно и притяжения, и отталкивания между русским большинством и различными нерусскими меньшинствами» (Джераси, 2013: 4). Джон У. Слокум подчеркивает особое положение тюркских этносов: «Этническими группами, подпадавшими под школьные правила для инородцев, были нерусские жители Поволжья – татары, башкиры, мордва, чуваша, удмурты и черемисы (мари). Что касается второй половины XIX в., то башкиры, чуваша и другие нетатарские народы этого региона не были классифицированы как инородцы в юридическом смысле этого слова. [...] В середине XIX в. татары Поволжья (в отличие от оседлых «инородцев») подлежали рекрутским наборам, и официальная статистика населения второй половины XIX в. не причисляла их к «инородцам» (Слокум, 2005). Таким образом, зарубежные исследователи неоднократно подчеркивали важность данного региона для российской истории и особое значение татарского этноса, который среди трех изучаемых нами народов претендует на определенную «гегемонию».

М. Деррик, обосновывая этот тезис об особой татарской идентичности, пишет: «Татарские элиты подчеркивали свои родовые связи со Средней Волгой, тем самым конкретизируя исконные связи с территорией. Предварительный проект декларации о суверенитете 1990 г. иллюстрирует: «Татары – коренное население Татарики. Их корни уходят в Древнюю Болгарию, и они имели свое независимое государство с IX–XVI вв. до расширения царской империи». И далее: «Ссылаясь на

разрушенную Иваном Грозным «древнюю» государственность татар, руководство республики формировало общественную дискуссию об исторически обиженной этнокультурной группе» (Derrick, 2008: 79). Особым символическим актом «национального возрождения» татарского самосознания ученый считает воссоздание в Казанском Кремле мечети Кул Шариф: «Связывая современную Республику Татарстан с идеализированным Казанским ханством, физическое воскрешение Кул Шарифа наделяет силой татарскую нацию и способствует тому, чтобы ее члены преодолели то, что Рорлих называет “колониальное/доминирующее качество татарской идентичности”» (Derrick, 2008: 95). В то же время М. Деррик подчеркивает отсутствие у лидеров Татарстана стремления к сепаратизму. В своих речах президент ТР М. Шаймиев обращался не к татарскому, а к «многонациональному татарстанскому народу». Деррек отмечает, что, отдавая приказ о восстановлении мечети Кул Шариф, Шаймиев был осторожен, чтобы не оскорбить русских Татарстана: «Одновременно он распорядился восстановить Благовещенский собор в Казанском Кремле, который при советской власти пришел в ужасное запустение. Проявляя чувствительность к самому символу утраченной государственности своего народа, Шаймиев подчеркнул, что татарское национальное возрождение, воплощенное в возрождении мечети, не было направлено против русских. Таким образом, этнические и гражданские обоснования республики казались гармоничными» (Derrick, 2008: 92-93).

С особой ролью татар в регионе согласен Л. Хайда: «Только татары могут претендовать на наследие исторического государства (Казанского ханства XV–XVI вв.), городской культуры и давней литературной традиции, изначально основанной на исламских образцах. Действительно, в последующие десятилетия царского правления татары, наиболее мобилизованные из мусульманских подданных России, сыграли важную роль в распространении современной культуры и идей среди своих единоверцев – соседних пастушеских башкир и дальше в Средней Азии» (Hajda, 1993: 212).

Важной проблемой, рассматриваемой в зарубежной историографии, стали татаро-башкирские противоречия. Н. Девлет пишет: «По своему языку, культуре и этническому признаку татары и башкиры являются близкородственными народами и живут вместе на протяжении многих веков» (Devlet, 1989: 470). Однако именно эта близость народов и создавала между ними особые отношения.

А. Франк считает: «Башкиры – это другая основная мусульманская община в Волго-Уральском регионе. Лингвистическое положение башкир было сложным, т.к. башкиры Северного Башкортостана говорят на диалектах, по существу не отличимых от диалекта казанских татар. С другой стороны, южные башкиры говорят на несколько другом тюркском диалекте, разделяя многие лингвистические особенности с казахами и туркменами, а литературный башкирский язык основан на этих южных диалектах. Этническое происхождение башкир непонятно, но они упомянуты в трактате о путешествии Ибн-Фадлана как язычники, и многие ученые считают их произошедшими от средневековых венгров до их миграции в Центральную Европу. В любом случае есть небольшое сомнение, что исламизация башкир связана с исламизацией Золотой Орды под управлением Узбекхана в XIV веке. До XIX в. многие башкирские общины оставались степными кочевниками, в отличие от татар, и сохраняли многие особенности степных общин Центральной Азии. Первое и главное – они сохраняли систему племенной и клановой идентичности, которая сохранилась и по сей день, особенно в Южном Башкортостане» (Франк, 2008: 21).

Р. Пайпс, анализируя стремление башкир к независимости от татар, ярко проявившееся после революции 1917 г., замечает: «Большинство башкир находились под культурным влиянием своих более многочисленных и высокоцивилизованных единоверцев – поволжских татар, и накануне революции почти половина башкир считала своим родным языком татарский» (Pipes, 1950: 305).

Описывая события 1917 г. и деятельность Башкирского национального совета (Шуро), ученый обращает внимание на сложные противоречия между русскими, татарами и башкирами: «Самой сущностью своих экономических целей он (Шуро – Авт.) вызывал враждебность русского населения и мало мог ожидать сочувствия со стороны поволжских татар, видевших в башкирском ирредентизме недалекую и тщетную попытку добиться корыстных целей за счет общемусульманского движения» (Pipes, 1950: 308). Как известно, одним из первых проектов советской власти было создание в 1918 г. Татарско-Башкирской Советской Республики (ТБСР). Башкирский национальный деятель Г. Аитбаев в письме к И.В. Сталину выступил, как и многие другие башкирские революционеры, против этого проекта: «Башкирский народ скорее сговорится и столкнется с русским трудовым элементом, так как последний скорее поймет его нужду, но никогда башкиры не сговорятся и не сойдутся с татарами» (ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 47). Эта категоричность башкирской элиты определялась опасностью ассимиляции башкир со стороны татар. Пайпс считает, что башкиры, отказавшиеся от проекта ТБСР, стремились «освободиться от культурного господства татар и вернуть себе огромные земли...» (Pipes, 1950: 319). Русские заключили «союз с татарскими элементами, которые надеялись завоевать контрольную позицию среди советских мусульман и выступали против башкирского сепаратизма» (Pipes, 1950: 319).

Однако позднее, в 1920-е гг., в сложном процессе определения большевиками территориальных границ татарской и башкирской автономий к так называемой Малой Башкирии (населенной в

большинстве башкирами) была присоединена Уфимская губерния с многочисленным татарским и русским населением. Это создало определенные демографические проблемы. До настоящего времени в Башкирской Республике имеется значительное татарское население, которое, проживая в виде анклавов и трансграничных территорий среди иноязычной, но близкой по языку среды, подвергается ассимиляционным процессам со стороны башкир. Так, Л. Хайда замечает: «...Явно ненормальный рост числа башкир (по данным переписей – Авт.) объясняется официально поощряемым отказом от татарского языка, на котором говорила треть башкир еще в 1959 году» (Hajda, 1993: 233).

В 1989 г., по утверждению Н. Девлета, в «Башкирской АССР проживает более миллиона татар, и их численность несколько превышает численность башкир. Эти татары жаловались на пренебрежение их правами в республике», «в татарских сельских школах вместо татарского вводились курсы башкирского языка и литературы» (Devlet, 1989: 470).

К. Мацузато считает, что и в постсоветский период противоречия сохранялись: «Политика башкиризации (навязывание башкирского языка татароязычным башкирам), энергично проводившаяся в брежневское время, в период перестройки была приостановлена. Однако при Рахимове восстание «неосвоенного» юго-востока республики, населенного башкироязычными башкирами, возобновилось. Это восстание было против Уфы (столицы) и западного Башкортостана, населенных татароязычными башкирами, которые раньше считались более развитыми, чем их башкироязычные соседи, и поэтому имели больше шансов на успешную карьеру при коммунизме» (Matsuzato, 2004: 101).

Любопытную концепцию этногенеза татар и башкир выдвигает А. Франк: «До большевистской революции в 1917 г. национальная идентичность, основанная исключительно на этничности, была не присуща очень большой части волго-уральского исламского общества. Существенная часть волго-уральских мусульман считала себя «булгарами», что являлось выражением региональной идентичности, которая стала известной позже, в XIX в., и оставалась широко распространенной среди волго-уральских мусульман до конца 1920-х гг.» (Франк, 2008: 13). Ученый не только признает ведущей идею «булгарской» идентичности тюрков региона, но и считает определяющей в этом процессе роль ислама и волго-уральских улемов: «В действительности история региональной и этнической идентичности среди волго-уральских мусульманских субъектов Российской империи сложнее и интереснее, чем то, что показывают националистические и советские толкования. Реализация единой «татарской» националистической идентичности и уменьшение степени единой «башкирской» идентичности появились лишь в советскую эпоху, когда исламские волго-уральские улемы были истреблены» (Франк, 2008: 13-14).

Однако в этой концепции непонятной выглядит роль чувашей, также претендующих на «булгарское наследие». В 1990-е гг. среди этнической интеллигенции появилась «суварская теория» происхождения чувашей. Х. Карадаг пишет: «Основной отправной точкой тех, кто сегодня называет себя суваром и отказывается от использования чувашского этнического названия, является то, что название «чуваш» не упоминалось в исторических источниках до русского господства. По мнению представителей суварского движения, заявивших, что название «чуваш» стало употребляться в источниках с приходом в регион русских, употребление этого этнического названия в определенном смысле выражает разрыв с собственными корнями, а именно с суварскими предками» (Karadağ, 2017: 126). В этой концепции можно увидеть стремление создать особую суваро-чувашскую идентичность в борьбе за булгарское наследие с другими тюркскими этносами.

По мнению Р. Джераси, «чуваша были самым урбанизированным из национальных меньшинств Поволжья после татар» (Джераси, 2013: 55). Не вызывает сомнений, что именно чуваша сохранили наиболее близкий к булгарскому язык, бежав от исламизации в X веке в «ненаселенные северные районы» современной Чувашской Республики. А. Франк пишет: «Лингвисты отнесли чувашский язык к категории единственного выжившего члена полностью отдельной ветви тюркской языковой семьи (речь идет об огурах и огузах – примеч. авт.) и идентифицировали некоторые средневековые булгарско-арабские рукописные надписи как самые древние примеры чувашского языка. Современные татары, однако, говорят на форме тюркского языка, который близок к казахскому» (Франк, 2008: 19).

Таким образом, чуваша не только сохранили свой древний язык, но и свою самобытную религию. Однако при постоянно существовавшей исламизации чувашей в Казанском ханстве возникала опасность их татаризации. В. Дувлер пишет: «Татарский язык с его исламским посланием был самой мощной интеллектуальной силой среди всех нерусских региона. Без вмешательства языки местных народов постепенно татаризировались бы, а татарский, язык ислама, стал бы языком всех нерусских в степи» (Dowler, 1995: 518). Поэтому чуваша стремились дистанцироваться от татар, особенно в период обострения отношений между Казанским ханством и Москвой. А. Каппелер согласен с тезисом о «добровольном вхождении» чувашей в состав Российского государства. Он считает, что чуваша проявили собственную инициативу, когда «настоятельно просили молодого царя Ивана IV послать войска против казанского хана» и «заявили о своем желании служить государю и выступать вместе с его воеводами против Казани» (Каппелер, 2019: 44). После начала процесса христианизации у чувашского этноса появилась возможность сохранить свою самобытность,

ибо многочисленные примеры показывают, что во все века чувашаи, принимая ислам, очень быстро теряли свою этническую идентичность, подвергаясь «лингвистической и культурной татаризации» (Dowler, 1995: 517).

Интересно, что чувашаи имеют свои анклавные группы и в Татарстане, и в Башкортостане, однако существенных межэтнических конфликтов у них с титульными этносами нет. Однако Д. Арик убежден, что исламская/татарская культура оказывала большое влияние на эти анклавные группы. «Несмотря на многие меры, разработанные Русской православной церковью и администрацией, чувашаи продолжали переходить из христианства в ислам. Параллельно с этим чувашаи стали татаризироваться, говоря по-татарски с чувашским акцентом, трансформируя многочисленные чувашские слова в татаризированные формы или иным образом напоминая татар, с сохранением чувашских обычаев и одежды» (Arik, 2007: 48). Он приводит примеры такой аккультурации: «Показано влияние ислама на пищевые привычки чувашей, на примере этнографов. Обратите внимание на то, что у нижних (анатрийских) чувашей была распространена практика употребления в пищу конины и запрещения свинины. Эта практика и понимание возникли в результате тесного контакта анатрийских чувашей с татарами-мусульманами» (Arik, 2007: 51). И как следствие воздействия исламизации, исходившей от татар: «Чувашаи, принявшие ислам, оставались глубоко под татарским влиянием в отношении религии, языка и культуры, и в конечном итоге значительное число из них со временем превратилось в татар» (Arik, 2007: 41).

Говоря о татаризации и башкиризации этносов, нельзя не затронуть вопрос о русификации народов региона. Следует сразу отметить, что никаких сведений о планах и действиях по масштабной ассимиляции тюркских этносов со стороны русских властей не имеется. Даже насильственная христианизация нерусских народов для удобного управления ими не предусматривала массового превращения их в русских. Более того, ряд исследователей считает, что царская власть была не заинтересована в полном слиянии с русскими даже татарской элиты. Так, Р. Джераси, оценивая деятельность просветителя-миссионера Н.И. Ильминского, создавшего систему христианизации нерусских народов на основе развития их «иностранческой» письменности, пишет: «Ильминский, судя по всему, старался содействовать возникновению сложносоставной национально-имперской идентичности, в которой «иностранцы» могли бы становиться русскими, но в то же время иметь возможность оставаться чувашами, татарами или вотяками (во многом так же, как британцы могли одновременно являться ирландцами, шотландцами и валлийцами). Нам представляется, что во многом система Ильминского создавалась для дистанцирования «иностранцев» от русских из опасения, что неконтролируемая ассимиляция может привести к передаче негативных качеств новым членам общей русской семьи» (Джераси, 2013: 422). Д. Вэйн, не соглашаясь с критиками новой системы просвещения иностранцев, отмечал: «Ильминский понял то, чего не поняли противники его системы: что один только русский язык не может предотвратить татаризацию и исламизацию неистамских коренных народов региона; это может сделать только сохранение местных языков и через них усвоение православия» (Dowler, 1998: 765). С другой стороны, нельзя отрицать, что система Ильминского была очередной попыткой христианизации татар. П. Верт считал, что сутью системы Ильминского было использовать родные языки и местных преподавателей для передачи христианского послания нерусским. «Таким образом, ядром его «системы» были переводы, обучение на нерусских языках и продвижение нерусских на должности учителей и священнослужителей» (Werth, 2000: 109). Русификация могла им рассматриваться как некая отдаленная перспектива, однако, по мнению Верта, «что бы Ильминский ни говорил о русификации, его главной и ближайшей целью было убедить нерусских, что они могут исповедовать православие, не становясь русскими» (Werth, 2000: 113).

Проблема христианизации тюркских этносов наиболее четко прослеживается на примере кряшен, этноконфессиональной группы в составе татарского народа, которая исповедует православие. При этом имеется точка зрения, что кряшены – не субэтническая группа татар, а отдельный народ. Джераси писал: «Мусульмане часто относились к кряшенам с презрением, так как те говорили практически на том же языке, что и татары-мусульмане (возможно, с несколько меньшим количеством иранских и арабских слов – из-за исторических отличий), но при этом исповедовали «русскую» религию. Хотя русские относились к кряшенам с определенной симпатией, многие считали их людьми жалкими и не имеющими прочного самосознания или самоуважения» (Джераси, 2013: 59).

Еще более важной представляется проблема христианизации для чувашского этноса, не принявшего ислам в болгарские времена. П. Верт считает, что система Ильминского была наиболее важна для двух этнических групп: «Эти методы оказали наибольшее влияние на кряшен и чувашей, и действительно усилия Ильминского были сосредоточены на этих двух народах. Считалось, что кряшены, как наиболее близкие в языковом и культурном отношении татарам-мусульманам, находятся в наибольшей опасности отступничества, в то время как чувашаи составляли крупнейшую единую нерусскую православную этническую группу» (Werth, 2000: 113).

А. Каппелер считает чувашей самобытным народом России, оставившим свой след в событиях отечественной истории. Во время презентации его книги «Чувашаи. Народ в тени истории» в 2016 г. в

Чебоксарах автору был задан вопрос о названии: почему чуваша «в тени»? По его представлению, самобытность чувашского народа часто находилась под угрозой исчезновения. Чуваша, по его мнению, это «маргинализированное меньшинство» на периферии большой России, чей язык и этническая целостность находятся под угрозой (Иванова, Тюнтеров, 2022: 50). По мнению многих ученых, эта угроза исходила не только от русского народа, но и от татарской исламизации.

Ученик Ильминского, просветитель И.Я. Яковлев, создал чувашскую письменность на основе кириллического алфавита. Его видение исторического процесса, как отмечают Т. Егорова и Дж. Керн, сводилось к тому, что «русских он воспринимал как движущую силу страны, которая должна вдохновлять других на развитие» (Egorova, Kern). А. Каппелер справедливо отмечает, что И.Я. Яковлев «был умеренным реформатором, не желавшим конфронтации с господствующей русской культурой и царским правительством, но стремившимся к выравниванию, некоему симбиозу чувашской и русской культур» (Каппелер, 2019: 130). Интересное суждение приводит И. Крейнндлер. Она считает, что еще при жизни Яковлев очертил своим сородичам роль «послушного исторического спутника русского народа», тем самым очертив их место в историческом процессе (Kreindler, 1977: 93). Таким образом, для судеб чувашского этноса справедливой представляется мысль П. Верта: «Для многих инородцев, зажатых между православным русским и мусульманско-татарским миром, продвижение православия в коренном реестре представляло наилучший путь одновременного достижения просвещения и сохранения своей самобытности. Православие также позволяло представителям разных нерусских национальностей объединяться, чтобы иметь больший вес, чем они могли бы иметь в противном случае. Более того, формирующаяся религиозная интеллигенция получила возможность стать новой социальной элитой, наделенной своим образованием и знанием русского языка правом говорить от имени своих этнических общностей и за инородцев в целом» (Werth, 2000: 132).

Можно еще раз отметить, что для чувашей христианизация была не столько русификацией, сколько возможностью сохранить себя как этнос, отличный от окружавших чувашей мусульман-татар и мусульман-башкир. И в этом процессе особую роль сыграл И.Я. Яковлев, создавший чувашскую азбуку и способствовавший христианскому просвещению чувашей на родном языке.

5. Заключение

Таким образом, проблемы взаимодействия тюркских народов европейской России в зарубежной историографии находятся в фокусе внимания исследователей на протяжении всех последних десятилетий. Поволжско-Приуральский регион рассматривается учеными как «фронтир», «окно на Восток», «фокус» колониационного освоения Россией восточных регионов. Отсюда большое внимание к тюркским народам региона. Подчеркивается особая роль татарского этноса как самого многочисленного, гегемония которого основана на богатом историческом наследии Волжской Булгарии и Золотой Орды.

В анализе взаимовлияния татарского, башкирского и чувашского этносов выделяется роль конфессионального фактора. Исламские этносы сближает общая конфессиональная принадлежность. Но это создает опасность для близких, родственных этносов. При этом татаризация башкир происходила под влиянием конфессионального фактора, а башкиризация татар – под влиянием политических факторов территориальных разграничений автономий в советские времена. В то же время для сохранения родственного упомянутым этносам чувашского народа исламизация была равносильна ассимиляции. Поэтому зарубежные ученые считают христианизацию чувашей средством сохранения их этнической идентичности. Господствующей в зарубежной историографии является точка зрения о том, что при всем желании царских властей приобщить тюркские этносы к русской культуре, христианизировать их, прямой цели ассимиляции этих народов не ставилось. Деятельность поощряемых властями просветителей способствовала не столько распространению православия, сколько появлению национальной элиты, лояльной по отношению к центральной власти. Попытки связать современную национальную идентичность рассматриваемых этносов с болгарским или суварским наследием скорее иллюстрирует этнополитические процессы, происходившие в республиках в 1990-е годы. В целом взаимодействие татарского, башкирского и чувашского народов на трансграничных и анклавных территориях при всем многообразии общественно-политических и социально-культурных проблем не демонстрирует повышенной конфликтности.

Этот ретроспективный анализ концепций зарубежной историографии позволяет более полно охарактеризовать в перспективе те проблемы, которые выявил проведенный нами социологический опрос, понять их исторические истоки. В то же время проведенное нами исследование представляет как бы «взгляд со стороны» на тюркские народы европейской России, объективность/субъективность которого определяется очень многими разнонаправленными факторами современности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00840, <https://rscf.ru/project/22-28-00840/> («The study was funded by a grant Russian Science Foundation № 22-28-00840, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00840/>»).

Литература

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 548 с.
- Диманштейн, 1924 – Диманштейн С.М. Прошлое и настоящее: Жизнь народов СССР. М., 1924. 111 с.
- Иванова и др., 2022 – Иванова Т.Н., Минеева Е.К., Зыкина А.П. Исторические ошибки: деятель Наркомнаца С.М. Диманштейн о национальной политике Советского государства // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 2(62). С. 74-82.
- Иванова, Тюнтеров, 2022 – Иванова Т.Н., Тюнтеров О.С. Взгляд извне на тюркские народы России: чуваша как субъект российской истории глазами А. Каппелера / *Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории* / Сборник материалов II Всеросс. науч. конф. с международным участием. Чебоксары, 2022. С. 44-50.
- Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.
- Каппелер, 2019 – Каппелер А. Чуваша. Народ в тени истории. Чебоксары, 2019. 268 с.
- Каппелер, 2003 – Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 47-65.
- Минеева и др., 2022 – Минеева Е.К., Старостин А.Н., Минеев А.И. Восприятие тюркскими народами Урало-Поволжья этноконфессиональной ситуации в регионах проживания: титульные этносы и трансграничное взаимодействие // *В.И.* 2022. № 8–2. С. 17-32.
- Официальные итоги... – Официальные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Слокум, 2005 – Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. 507 с.
- Франк, 2008 – Франк Аллен Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008. 265 с.
- Хостлер, 2006 – Хостлер Ч.У. Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели. Алматы, 2006. 288 с.
- Arik, 2007 – Arik D. Islam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2007. № 1 (27). Pp. 37-54.
- Derrick, 2008 – Derrick M. Revisiting “Sovereign” Tatarstan // *USAK (Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu)*. 2008. № 6 (3). Pp. 75-103.
- Devlet, 1989 – Devlet N. The Tatars and Bashkirs afterglasnost // *Institute of Muslim Minority Affairs. Journal*. 1989. № 10 (2). Pp. 464-474.
- Dowler, 1998 – Dowler W. Pedagogy and politics: Origins of the special conference of 1905 on primary education for non-Russians in the east // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 1998. №4 (26). Pp. 761-775.
- Dowler, 1995 – Dowler W. The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865-1914 // *Russian Review*. 1995. № 54 (4). Pp. 516-538.
- Egorova, Kern – Egorova, T.A., Kern, J.H.C. I.Ia. Iakovlev's National Educational Ideas Regarding the Chuvash People in Late Tsarist Russia and Its Consequences in the Early Soviet State. [Electronic resource]. URL: <https://leidenuniv.academia.edu/TatianaKleerebezemEgorova>
- Hajda, 1993 – Hajda L. Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-soviet states. // *Race, Gender & Ethnicity: Global Perspectives. Humboldt Journal of Social Relations*. 1993. № 2 (19). Pp. 193-278.
- Jersild, 2000 – Jersild A. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the "Small Peoples" of the Middle Volga and the North Caucasus. // *Russian Review*. 2000. № 4 (59). Pp. 512-529.
- Karadağ, 2017 – Karadağ H. Ivan Yakovlevich Yakovlev: Çuvaş Kültürüne Can Suyu Veren Kültür ve Medeniyet İnsanı / *International Symposium on Multidisciplinary Studies (ISMS)*. Ankara, 2017. Pp. 125-145.
- Kreindler, 1977 – Kreindler I. A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy // *Slavic Review*. 1977. № 1 (36). Pp. 86-100.
- Matsuzato, 2004 – Matsuzato K. Authoritarian transformations of the Mid-Volga national republics: an attempt at Macro-Regionology // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2004. № 20 (2). Pp. 98-123.
- Pipes, 1950 – Pipes R. The First Experiment in Soviet National Policy: The Bashkir Republic. 1917–1920. // *The Russian Review*. 1950. № 4 (9). Pp. 303-319.

Werth, 2000 – Werth P. Inorodtsy on Obrusenie: Religious Conversion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia. // *Ab Imperio*. 2000. № 2. Pp. 105-134.

References

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Dzherasi, 2013** – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moskva. [in Russian]
- Dimanshtein, 1924** – *Dimanshtein, S.M.* (1924). Proshloe i nastoyashchee: Zhizn' narodov SSSR [Past and Present: Life of the Peoples of the USSR]. Moskva. [in Russian]
- Ivanova i dr., 2022** – *Ivanova, T.N., Mineeva, E.K., Zykina, A.P.* (2022) Istoricheskie oshibki: deyatel' Narkomnatsa S.M. Dimanshtein o natsional'noi politike Sovetskogo gosudarstva [Historical mistakes: S.M. Dimanshtein on the National Policy of the Soviet State]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2(62): 74-82. [in Russian]
- Ivanova, Tyunterov, 2022** – *Ivanova, T.N., Tyunterov, O.S.* (2022) Vzgl'yad izvne na tyurkskie narody Rossii: chuvashi kak sub'ekt rossiiskoi istorii glazami A. Kappelera [Outside view of the Turkic peoples of Russia: the Chuvash as a subject of Russian history through the eyes of A. Kappeler]. *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii i istorii. Sbornik materialov II Vseross. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem*. Cheboksary. Pp. 44-50. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a multinational empire. Emergence. Story. Decay]. Moskva. [in Russian]
- Kappeler, 2019** – *Kappeler, A.* (2019). Chuvashi. Narod v teni istorii [Chuvash. People in the shadow of history]. Cheboksary. [in Russian]
- Kappeler, 2003** – *Kappeler, A.* (2003). Yuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [The southern and eastern frontier of Russia in the 16th–18th centuries]. *Ab imperio*. 1: 47-65. [in Russian]
- Mineeva i dr., 2022** – *Mineeva, E.K., Starostin A.N., Mineev A.I.* (2022). Vospriyatie tyurkskimi narodami Uralo-Povolzh'ya etnokonfessional'noi situatsii v regionakh prozhivaniya: titul'nye etnosy i transgranichnoe vzaimodeistvie [Perception of the Turkic peoples of the Ural-Volga region of the ethno-confessional situation in the regions of residence: titular ethnic groups and cross-border interaction]. *Voprosy istorii*. 8–2: 17-32. [in Russian]
- Ofitsial'nye itogi...** – Ofitsial'nye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. [Official results of the 2010 All-Russian population census]. [Electronic resource]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [in Russian]
- Slokum, 2005** – *Slokum, Dzh.U.* (2005), Kto i kogda byli «inorodtsami»? Evolyutsiya kategorii «chuzhie» v Rossiiskoi imperii [Who and when were "foreigners"? Evolution of the category "strangers" in the Russian Empire]. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moskva. [in Russian]
- Frank, 2008** – *Frank, A.Dzh.* (2008). Islamskaya istoriografiya i «bulgarskaya» identichnost' tatar i bashkir v Rossii [Islamic historiography and the "Bulgarian" identity of the Tatars and Bashkirs in Russia]. Kazan'. [in Russian]
- Khostler, 2006** – *Khostler, Ch.U.* (2006). Tyurkizm i Sovety. Tyurki mira i ikh politicheskie tseli [Turkism and Soviets. Turks of the world and their political goals]. Almaty. [in Russian]
- Arik, 2007** – *Arik, D.* (2007). Islam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity. *Journal of Muslim Minority Affairs*. 1(27): 37-54. [in Russian]
- Derrick, 2008** – *Derrick, M.* (2008). Revisiting “Sovereign” Tatarstan. *USAK (Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu)*. 6(3): 75-103. [in Russian]
- Devlet, 1989** – *Devlet, N.* (1989). The Tatars and Bashkirs afterglasnost. *Institute of Muslim Minority Affairs. Journal*. 10(2): 464-474. [in Russian]
- Dowler, 1998** – *Dowler, W.* (1998). Pedagogy and politics: Origins of the special conference of 1905 on primary education for non-Russians in the east. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 4(26): 761-775.
- Dowler, 1995** – *Dowler, W.* (1995). The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865-1914. *Russian Review*. 54(4): 516-538.
- Egorova, Kern** – *Egorova, T.A., Kern, J.H.C.* I.Ia. Iakovlev's National Educational Ideas Regarding the Chuvash People in Late Tsarist Russia and Its Consequences in the Early Soviet State. [Electronic resource]. URL: <https://leidenuniv.academia.edu/TatianaKleerebezemEgorova>
- Hajda, 1993** – *Hajda, L.* (1993). Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-soviet states. *Race, Gender & Ethnicity: Global Perspectives. Humboldt Journal of Social Relations*. 2(19): 193-278.
- Jersild, 2000** – *Jersild, A.* (2000) Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the "Small Peoples" of the Middle Volga and the North Caucasus. *Russian Review*. 4 (59): 512-529.
- Karadağ, 2017** – *Karadağ, H.* (2017). Ivan Yakovlevich Yakovlev: Çuvaş Kültürüne Can Suyu Veren Kültür ve Medeniyet İnsanı [Ivan Yakovlevich Yakovlev: Person of Culture and Civilization who gave life to Chuvash Culture]. *International Symposium on Multidisciplinary Studies (ISMS)*. Ankara. Pp. 125-145. [in Turkish]

Kreindler, 1977 – Kreindler, I. (1977). A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy. *Slavic Review*. 1(36): 86-100.

Matsuzato, 2004 – Matsuzato, K. (2004). Authoritarian transformations of the Mid-Volga national republics: an attempt at Macro-Regionology. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 20(2): 98-123.

Pipes, 1950 – Pipes, R. (1950). The First Experiment in Soviet National Policy: The Bashkir Republic. 1917–1920. *The Russian Review*. 4(9): 303-319.

Werth, 2000 – Werth, P. (2000). Inorodtsy on Obrusenie: Religious Conversion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia. *Ab Imperio*. 2: 105-134.

Проблемы взаимодействия тюркских народов европейской России в освещении зарубежной историографии

Татьяна Николаевна Иванова^a, Елена Константиновна Минеева^{a,*},
Алексей Игоревич Минеев^a

^a Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды зарубежных исследователей на проблемы исторического развития общественно-политического и социокультурного взаимодействия родственных тюркских народов (татар, башкир и чувашей), в том числе в процессе аккультурации их анклавных и трансграничных групп. Поволжско-Приуральский регион рассматривается зарубежными учеными как «фронт», «окно на Восток», «фокус» колониального освоения Россией восточных регионов. При этом в зарубежной историографии подчеркивается особая роль татарского этноса как самого многочисленного, гегемония которого основана на богатом историческом наследии Волжской Булгарии и Золотой Орды. Результаты проведенного нами в 2022 г. социологического опроса в Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Свердловской области свидетельствуют о спокойном межэтническом климате в Поволжско-Приуральском регионе, однако респондентами констатируются и определенные проблемы. Эти межэтнические проблемы можно также выявить, проанализировав основные концепции зарубежной историографии по данной тематике. В трудах А. Каппелера, П. Верта, Р. Джераси, Ч. Хостлера, Л. Хайда, Н. Девлета, Д. Арика, Х. Карадага и др. рассматриваются такие проблемы, как ассимиляция (татаризация, башкиризация, русификация), воздействие ислама и православия на данные процессы, роль в них национального просвещения. Сложное, трансграничное и анклавное расселение трех родственных этносов способствовало аккультурации татар, башкир и чувашей в течение последних двух столетий. Новые проблемы возникли в первые годы советской власти, когда на территориях национальных автономий оказались значительные районы, населенные не только титульным этносом, но и представителями других родственных тюркских народов.

Ключевые слова: зарубежная историография, тюркские народы, татары, башкиры, чувашы, ассимиляция, аккультурация, анклавы, трансграничные территории.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mineeveak21@mail.ru (Е.К. Минеева), tivanovan@mail.ru (Т.Н. Иванова), minalig@inbox.ru (А.И. Минеев)